

Философия. История философии

УДК 130.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-12-25

Трудная проблема содержания: постановка проблемы

Дмитрий В. Иванов

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
ivdmitry@mail.ru*

Аннотация. В статье демонстрируется, что проблема натуралистического объяснения содержания ментальных состояний является трудной проблемой, подобной трудной проблеме сознания. Большинство современных философов полагает, что мы можем натуралистически объяснить содержание в рамках функционалистской парадигмы, используя, например, понятие информации. Однако Д. Хатто и Э. Майн, чьи взгляды анализируются в работе, показывают, что современные натуралистические теории, использующие различные понятия информации, упускают наиболее существенные характеристики содержания, связанные с понятиями референции, истины, импликации. Хатто и Майн полагают, что натуралистическое объяснение содержания базовых ментальных состояний невозможно. Данные авторы верно диагностировали проблему, однако они не раскрыли всю ее сложность. В статье демонстрируется, что сложность объяснения содержания ментальных состояний обусловлена необходимостью прояснить нормативный характер содержания с позиций натурализма. В работе также анализируется натуралистический подход Д. Макдауэла к пониманию нормативного характера сознательного опыта, которым обладают люди, и отмечается, что мы должны расширить позицию Макдауэла, чтобы включить в объяснение и сознательный опыт других живых существ. Именно расширенный вариант натурализма, предложенного Макдауэлом, позволяет нам увидеть всю сложность проблемы объяснения содержания ментальных состояний.

Ключевые слова: трудная проблема содержания, содержание ментальных состояний, интенциональность, нормативность, натурализм

Для цитирования: Иванов Д.В. Трудная проблема содержания: постановка проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 12–25. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-12-25

© Иванов Д.В., 2021

The hard problem of content. The statement of the problem

Dmitry V. Ivanov

*Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy,
Moscow, Russia, ivdmitry@mail.ru*

Abstract. The paper demonstrates that the problem of explaining naturalistically the content of mental states is the hard problem, similar to the hard problem of consciousness. The greater part of contemporary philosophers believe that we can naturalistically explain content within the functionalist paradigm, using for example the concept of information. However, D. Hutto and E. Myin, whose views are analyzed in the work, show that contemporary naturalistic theories that use various concepts of information miss the most essential characteristics of the content associated with the concepts of reference, truth, implication. Hutto and Myin believe that a naturalistic explanation of the content of basic mental states is impossible. The authors correctly diagnosed the issue, but they did not reveal its full hardness. The paper demonstrates that the hardness of explaining the content of mental states is necessitated by clarifying the normative nature of the content from the standpoint of naturalism. The work also analyzes McDowell's naturalistic approach to understanding the normative character of conscious experience that people have, and notes that we have to expand McDowell's position in order to include in the explanation the conscious experience of other living beings. It is exactly the expanded version of McDowell's naturalism that allows us to see the hardness of the problem of explaining the content of mental states.

Key words: the hard issue of content, the content of mental states, intentionality, normativity, naturalism

For citation: Ivanov, D.V. (2021), "The hard problem of content. The statement of the problem". *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-12-25

Объяснение сознания, как справедливо подметил Д. Чалмерс, действительно является трудной проблемой [Chalmers 1996]. Особую сложность представляет выработка натуралистического объяснения природы феноменальных качеств сознательного опыта, квалиа. Однако помимо качественной составляющей сознательных состояний нам необходимо объяснить также их содержательную компоненту. Сознательные состояния характеризуются не только феноменальными качествами, но и наличием содержания.

По мнению большинства современных философов сознания, натуралистическое объяснение содержания сознательных состояний не представляет какой-то особой проблемы. Философы, придерживающиеся подобных взглядов, часто занимают репрезентационалистскую позицию, согласно которой содержание ментальных состояний является репрезентационным, т. е. представляет определенным образом какое-либо положение дел в мире. Такое содержание также часто мыслится как пропозициональное, т. е. мы можем оценить его как истинное или ложное в зависимости от того, каким образом оно представляет положение дел в мире. Некоторые философы-репрезентационалисты полагают, что с помощью понятия ментальной репрезентации мы способны также объяснить и феноменальные аспекты сознательного опыта. Иначе говоря, проблема объяснения сознания не представляется для них как какая-то особая, трудная проблема.

Однако тезис о том, что содержание ментальных состояний может быть объяснено натуралистически, не является беспроblemным. Есть основания полагать, что объяснение содержания также является особой, трудной проблемой. На этот момент обратил внимание еще О. Фланеган. Одна из его книг называется «Действительно трудная проблема. Значение в материальном мире» [Flanagan 2007]. В этой работе он исходит из предпосылки, что объяснение феноменального сознания представляет определенную трудность, тем не менее большинство философов согласны с тем, что сознание является чем-то существующим, природным феноменом. Относительно же значений, которые наполняют различные формы нашей человеческой жизнедеятельности, могут возникнуть сомнения в том, что мы имеем дело с природным феноменом, который может быть объяснен натуралистически. И все же такое объяснение необходимо, если мы хотим выстроить единую картину мира.

Фланеган прав в том, что объяснение значения представляет собой трудную проблему, однако, по-видимому, сложность этой проблемы является производной от более фундаментальной проблемы – проблемы объяснения не просто значения, а именно содержания ментальных состояний. При этом важно понять природу содержания не как нечто, присущее только связанным с языком высшим формам психической деятельности, свойственным людям, а как элемент базовых ментальных состояний, которые мы разделяем с другими живыми существами. Это требование основывается на том, что и содержание, и феноменальные качества рассматриваются нами как необходимые характеристики любых сознательных состояний, без которых данные состояния не существуют.

Именно натуралистическое объяснение содержания, понято-го как характеристика базовых ментальных состояний, является трудной проблемой. На этот момент обратили внимание Д. Хатто и Э. Майн [Hutto, Myin 2013]. Собственно, они и предложили название «трудная проблема содержания». Согласно этим исследователям, существующие способы натуралистического объяснения содержания посредством понятия информации не могут считаться адекватными подходами к пониманию природы содержания. Как я полагаю, Хатто и Майну удалось в целом охарактеризовать данную проблему, однако всю глубину и масштаб этой проблемы они не выявили. Реконструировав в кратком виде общий ход рассуждения, приведшего Хатто и Майна к постановке трудной проблемы содержания, я попытаюсь дополнить его своими соображениями, которые, как я полагаю, позволяют действительно увидеть всю сложность этой проблемы.

В своем рассуждении Хатто и Майн отталкиваются от следующего тезиса. Натуралистическое объяснение содержания не должно вестись в терминах, которые уже предполагают существование содержания. По-видимому, лучший способ осуществить такое объяснение заключается в использовании понятия информации. Многие философы, занимающие репрезентационалистскую позицию, согласятся с этим тезисом. Ф. Дретске, впервые введший в контекст аналитической философии сознания понятие информации, пишет следующее.

В начале была информация. Слово появилось позднее. <...> Информация (а не значение) является объективным продуктом, чем-то, чье возникновение, передача и восприятие не требует или в любом случае не предполагает процессов интерпретации. Таким образом, мы получаем основу для понимания того, как эволюционирует значение, как подлинные когнитивные системы – обладающие ресурсами для интерпретации сигналов, наличия убеждений, получения знания – могут развиваться из низкопорядковых, чисто физических механизмов обработки информации... Значение и все созвездие ментальных установок, обладающих им, являются производными продуктами. Сырым материалом является информация [Dretske 1981, p. VII].

Хатто и Майн соглашаются с тем, что информацию следует рассматривать как объективный, природный феномен. Однако они отмечают, что если мы придерживаемся обозначенного выше тезиса о натуралистическом объяснении содержания, которое не принимает существование каких-либо сущностей помимо есте-

ственных объектов, состояний и процессов, то информацию следует рассматривать как ковариацию:

Существование *s* как *F* «несет информацию о» существование *t* как *H*, если и только если наличие этих положений дел ковариативно в силу закона [Hutto, Myin 2013, p. 66].

Примерами информации-как-ковариации являются следы, отпечатки пальца, годовые кольца на срубке дерева, окаменелости и т. д.

Однако информация-как-ковариация не способна помочь нам объяснить репрезентационное содержание. Дело в том, что

...любое, что заслуживает названия содержания, имеет особые свойства – например, истина, референция, импликация – что делает это логически отличным и не редуцируемым к отношению ковариации, наличествующему между положениями дел. Хотя ковариация, без сомнения, является научно respectableм понятием, оно не способно выполнить необходимую работу по объяснению содержания [Hutto, Myin 2013, p. 67].

Можно попытаться мыслить информационные отношения иным образом, например, как связь некоего сигнала, индикатора с тем, на что он указывает. Скажем, дым является индикатором того, что где-то пожар. Можно пойти дальше и ввести в это отношение третью, воспринимающую инстанцию. Однако подобные способы представления информации также не объясняют природу содержания. Задача натуралистического объяснения репрезентационного содержания заключается в том, чтобы показать,

каким образом физические структуры начинают функционировать как репрезентации, а не просто как нечто, относительно чего мы уже допустили, что оно функционирует как репрезентация, приобретает свое содержание [Hutto, Myin 2013, p. 62].

В лучшем случае попыткам натуралистически объяснить содержание удастся показать наличие некоторых каузальных (номических) зависимостей. Однако этого недостаточно, чтобы ухватить содержание со всеми его существенными характеристиками.

Эти выводы сталкивают нас со следующей дилеммой. Либо, пытаясь понять природу базовых ментальных состояний, мы отказываемся от понятия содержания и ограничиваемся понятием информации-как-ковариации или другими натуралистиче-

скими понятиями информации, либо же мы сохраняем понятие содержания, но отказываемся редуцировать его к каким-либо фундаментальным информационным отношениям, обнаруживаемым в природе. В последнем случае мы можем либо апеллировать к будущим научным открытиям, которые позволят нам объяснить природу содержания, либо, пытаясь построить содержание в натуралистическую картину мира, пересматривать ее основания.

Как можно видеть, пытаясь решить проблему содержания, мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной решению проблемы сознания. Проблема сознания обозначена как трудная, поскольку мы вынуждены либо занять элиминативистскую позицию относительно сознания, либо признать, что данная проблема или не имеет решения в настоящее время, или предполагает ревизию оснований научной картины мира. Например, Чалмерс, обозначая свою позицию как натуралистический дуализм, предлагает расширить данную картину, включив в нее сознание как фундаментальный элемент [Chalmers 1996]. Можно сказать, что проблема объяснения содержания ментальных состояний совершенно справедливо была обозначена Хатто и Майном как трудная проблема. По мнению этих исследователей, элиминативистский подход является лучшей реакцией на данную проблему. Они готовы допустить существование репрезентационного содержания, но только при условии, что ментальные репрезентации понимаются как зависящие от языковой, социальной деятельности человека. Для объяснения же природы базовых ментальных состояний нам не следует обращаться к понятию содержания.

Одним из следствий такого решения, на мой взгляд, является отказ от того, что можно обозначить как принцип Brentano. По мнению Ф. Brentano, все психические феномены характеризуются прежде всего интенциональностью, направленностью на объект. Хатто и Майн пытаются сохранить понятие «интенциональность» при описании базовых ментальных состояний, однако, элиминируя содержание, они настаивают на том, что интенциональность должна быть понята без интенциональных (содержательных) аспектов. Я полагаю, что такое использование понятия интенциональности является некорректным. Содержание является существенной характеристикой интенциональных состояний, которая определяет, как именно объект представляется в данном ментальном состоянии. Без наличия содержания интенциональная направленность на объект будет неотличима от простого каузального воздействия объекта на ментальное состояние.

Итак, занимая элиминативистскую позицию относительно содержания, мы вынуждены признать, что интенциональность не яв-

ляется существенной характеристикой ментальных состояний и не может служить критерием различения психических и физических феноменов. Элиминативизм не является логически невозможной позицией, однако прежде, чем согласиться с таким подходом к проблеме содержания, необходимо понять, что именно мешает нам редуцировать репрезентационное содержание к какому-либо фундаментальным информационным процессам. Нам также следует понять, каким образом мы должны мыслить содержание, понятое как феномен, связанный с языковой, социальной деятельностью человека, в контексте натуралистической парадигмы.

Объясняя, почему содержание не может быть редуцировано к естественным (каузальным, номическим) информационным отношениям, Хатто и Майн указывают на то, что содержание обладает свойствами (properties), которые не ухватываются натуралистическим подходом. К таким свойствам они относят референцию, истину, импликацию. В настоящий момент я не берусь обсуждать, насколько оправдано рассмотрение данных феноменов именно как свойств содержания. Однако я отмечу, что использование понятия содержания действительно связано с понятиями референции, истины и импликации. Как правило, мы говорим о содержании в контексте выяснения того, каким образом нами выделяется тот или иной объект, верно или неверно мы представляем этот объект или определенное положение дел в наших описаниях, должны ли мы в свете этого скорректировать наши представления, правильно ли мы осуществляем выводы из данных представлений. Как можно заметить, все эти контексты связаны с оценками и предписаниями. Можно сказать, что в них затрагиваются нормативные аспекты, связанные с содержанием сознательных состояний. Хатто и Майн не используют термин нормативность при обсуждении трудной проблемы содержания, однако я полагаю, что именно нормативные аспекты сознательного опыта затрудняют натуралистическое объяснение содержания.

Проблематика нормативности слабо разработана в современной аналитической философии сознания. Среди значимых работ, непосредственно затрагивающих данную проблематику, выделяется труд Р. Веджвуда «Природа нормативности». Опираясь на слоган С. Хёрли «интенциональность нормативна», Веджвуд следующим образом формулирует основной тезис своей книги:

Не существует способов объяснения природы различных видов ментальных состояний, которые обладают интенциональным или репрезентационным содержанием (таких, как убеждения, суждения, желания, решения и т. д.), без использования нормативных терминов [Wedgwood, 2007, p. 2].

Если же говорить в целом о том, кто внес наибольший вклад в разработку данной проблематики, то, несомненно, следует выделить Д. Макдауэла. Как отмечает Т. Торнтон, «Макдауэл полагает, что то, что делает отношение сознания и мира проблематичным, – это глубинный дуализм норм и природы» [Thornton 2004, p. 25]. Сам же Макдауэл отмечает: «Отношение между сознанием и миром является нормативным» [McDowell 1994, p. XII].

Как нам следует мыслить это нормативное отношение сознания и мира? Один из подходов заключается в том, что мы представляем мир как сферу неконцептуальных, «сырых» данных, которые отражаются и фиксируются концептуальным образом сознанием. Например, мы можем полагать, что сознание каким-либо образом обрабатывает данные, исходящие от мира, и посредством процедур абстрагирования или интерпретации оформляет их понятийным образом. Такой подход Макдауэл обозначает термином «миф о данном», который он заимствует у У. Селларса. Основной недостаток подобного подхода заключается в том, что, пытаясь понять сознательный опыт как результат воздействия неконцептуальных данных, мы можем предложить лишь каузальное объяснение такого воздействия. При таком подходе мы теряем нормативное измерение сознательного опыта.

Вводя понятие «миф о данном», Селларс исследовал природу знания. Согласно Селларсу, наша познавательная активность осуществляется в пространстве рациональных оснований (reasons):

Характеризуя некий эпизод или состояние как знание, мы не даем эмпирическое описание этого эпизода или состояния; мы помещаем его в логическое пространство оснований, обоснования и способности дать обоснование тому, что некто говорит [Sellars 1997, p. 76].

Макдауэл анализирует не просто знание, а, скорее, перцептивное знание, природу восприятия, отношение сознания к миру в целом. Несмотря на это он полагает, что мы, следуя за Селларсом, все же можем характеризовать нашу сознательную активность как протекающую в логическом пространстве оснований. Логическому пространству оснований Макдауэл противопоставляет логическое пространство природы. Поддерживая миф о данном, мы, согласно Макдауэлу, предполагаем, что

...расширение пространства оснований позволит инкорпорировать неконцептуальные воздействия, внешние по отношению к сфере мысли [McDowell 1994, 7].

Однако, расширяя пространство оснований до пространства природы, мы осуществляем натуралистическую ошибку. Давая каузальное объяснение нашей сознательной деятельности, мы, как отмечает Макдауэл, можем лишь оправдывать наши решения, ссылаясь на какие-либо факты, но не обосновывать их указанием на основания.

Приобщение к пространству оснований, по мысли Макдауэла, происходит в результате воспитания, обучения, погружения ребенка в определенную языковую практику. В ходе воспитания ребенок приобретает «вторую природу» (этот термин Макдауэл заимствует у Аристотеля). Это означает, что он приобретает способность воспринимать объективные положения дел как основания для своей деятельности. Можно сказать, что объективные положения дел включаются в концептуальное пространство сознательного опыта ребенка, становясь содержанием его ментальных состояний. Как можно видеть, такое понимание природы восприятия является вариантом прямого реализма. Согласно Макдауэлу, содержанием нашего опыта, когда мы не обманываемся, является «то, что вещи такие-то и такие». Макдауэл рассматривает это как аспект мира, т. е. как факты, представляющие то, каковы вещи:

То, что вещи такие-то и такие, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, *то, что вещи такие-то и такие*, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира [McDowell 1994, 26].

Сам Макдауэл обозначал свою позицию как натурализованный платонизм. Некоторые философы характеризуют его философию как вариант гегельянства. В любом случае предлагаемый им подход к пониманию содержания сознательного опыта представляет собой особый вариант натурализма, который однозначно отличается от физикалистской версии натурализма, распространенной в настоящее время в аналитической философии сознания. Однако пересмотр натурализма, осуществленный Макдауэлом, пока нельзя назвать реакцией, ответом на трудную проблему содержания. Релевантность подхода Макдауэла для решения данной проблемы проявится, когда мы зададим вопрос об отношении тех форм сознания, которые приобретает ребенок, к базовым ментальным состояниям, которыми обладают животные и дети до обретения «второй природы».

По мнению Макдауэла, «то, что мы разделяем с бессловесными животными, – это перцептивная восприимчивость к характеристикам окружающей среды» [McDowell 1994, p. 69]. Он пишет:

Бессловесные животные являются природными существами и более ничем. Их существование всецело заключено в природе. В частности, их сенсорные взаимодействия с окружающей средой являются естественными процессами. Теперь мы подобны бессловесным животным в том, что мы таким же образом перцептивно восприимчивы к нашей окружающей среде [McDowell 1994, p. 70].

Неудовлетворительность такого взгляда заключается в том, что он вновь сталкивает нас с мифом о данном. Если базовые перцептивные состояния лишены содержания, не могут характеризоваться как интенциональные, и если мы, а прежде всего маленькие дети, разделяем их с животными, то процесс обретения «второй природы» может быть представлен как процесс обучения ребенка тому, как концептуально оформлять данные, которыми нас снабжает перцептивный опыт. Освоение языка, встраивание в пространство оснований, будучи фундированными неинтенциональными базовыми перцептивными механизмами, представляются именно как работа с неконцептуальными данными, поставляемыми нам этими механизмами.

По-видимому, для того чтобы избежать этой проблемы, нам необходимо допустить, что базовые перцептивные состояния животных и детей являются все же интенциональными состояниями и обладают содержанием, хотя, конечно, это содержание не связано с языком. Подобного взгляда придерживается А. Макинтайр. Полемизируя с Макдауэлом, он пишет:

В этом заключалось мое утверждение, что с точки зрения Гадамера и Макдауэла этот переход может оказаться непостижим. Только потому, что некоторые существа, называемые Макдауэлом «всего лишь животные», уже направляемы определенным вариантом практического разума, который проявляется в их выборе этого в качестве основания для совершения того... некоторые из долингвистических условий, необходимые для развития человеческой рациональности... оказываются удовлетворенными. Дельфины, гориллы и представители некоторых других видов не в большей степени просто реагируют на входящие в их чувства данные, чем это делаем мы. Они также населяют мир, чьи характерные особенности могут обладать той или иной значимостью для них. Их ответные действия также базируются на их классификациях и интерпретациях. Они также допускают и исправляют ошибки [MacIntyre 2001, p. 60–61].

По сути, принимая сторону Макинтайра, мы расширяем натурализованный платонизм, начиная рассматривать с этой позиции не

только сознательный опыт человека, но и сознательную активность других живых существ. Подобный расширенный натурализованный платонизм уже является определенным ответом на трудную проблему содержания. Вместе с тем он вскрывает всю сложность этой проблемы, нахождение решения которой в какой-то момент начинает выглядеть гораздо более трудной задачей, чем решение проблемы сознания.

Итак, проблему содержания можно представить как противоречие между несколькими взаимосвязанными тезисами. Каждый из этих тезисов по отдельности *prima facie* представляется истинным. Однако мы не можем принять их все вместе. Какой-то из тезисов должен быть отброшен.

Первый тезис можно обозначить как тезис Brentano: все ментальные состояния интенциональны. Это положение предполагает, что все ментальные состояния обладают каким-то содержанием, которое не обязательно должно пониматься как лингвистическое или пропозициональное. Основанием для принятия этого тезиса является необходимость избежать мифа о данном при объяснении природы нашего сознательного опыта.

Второй тезис я обозначу как тезис Хёрли: интенциональность нормативна. Нормативность интенциональности связана с наличием содержания. Сказать, что интенциональное состояние обладает содержанием, означает признать, что мы не просто реагируем на каузальное воздействие какого-то физического объекта, а мы воспринимаем этот объект определенным образом, под определенным углом зрения, в определенных аспектах, и именно это направляет наше дальнейшее поведение. Это также означает, что мы можем говорить о верном или неверном восприятии чего-либо и о необходимости скорректировать свое видение, если мы ошибаемся.

Третий тезис непосредственно связан со вторым: нормативность предполагает свободу. Этот тезис не обсуждался в статье, однако мне представляется, что большинство философов его поддерживает. Я не предполагаю, что его нужно обсуждать в контексте проблематики свободы воли. В данном случае под свободой имеется в виду независимость сознательной активности от непосредственного каузального воздействия воспринимаемых объектов. Эта независимость достигается тем, что поведение сознающего субъекта определяется не каузальными связями с физическим объектом, а нормативными ограничениями, налагаемыми интенциональным содержанием.

Четвертый тезис утверждает следующее: только человек обладает свободой. Этот тезис будет поддержан прежде всего психоло-

гами развития. Он подчеркивает особый характер трансформаций, которые претерпевает ребенок, приобретая высшие психические функции. Наличие высших психических функций отличает человека от животных. В силу этих трансформаций ребенок оказывается способным действовать независимо от перцептивного поля, осуществляя планирование и контроль за своими действиями. Макдауэл описывает эту трансформацию как приобретение второй природы, вхождение в нормативное пространство рациональных оснований. Только способность действовать в нормативном пространстве рациональных оснований может обеспечить подлинную свободу.

Принимая первый тезис, иначе говоря, занимая позицию расширенного натурализованного платонизма, мы не только наделяем животных рациональностью, но и допускаем наличие в их сознательном опыте нормативных аспектов и элементов свободы в их поведении. Из этого следует, что мы вынуждены отказаться от четвертого тезиса, что приводит к размыванию границ между человеком и животным и не позволяет уловить специфику действия в силу рациональных оснований.

Принимая четвертый тезис, мы сохраняем различие между сознательными опытами человека и животных. Однако это приводит нас к отказу от первого тезиса и занятию элиминативистской позиции. В свою очередь это сталкивает нас с мифом о данном и грозит тем, что содержательные и нормативные аспекты сознательного опыта человека в результате окажутся чем-то иллюзорным, за чем стоят объективные, естественные процессы.

Если мы попытаемся отказаться от второго и третьего тезисов, то мы, по-видимому, столкнемся с той же ситуацией. В этом и заключается особая сложность трудной проблемы содержания, отличающая ее от трудной проблемы сознания. Мы не можем ни отбросить содержание как характеристику базовых ментальных состояний, как это нам рекомендует элиминативизм, ни расширить натурализм таким образом, чтобы наделить все ментальные состояния, т. е. ментальные состояния всех живых существ, содержательными и, соответственно, нормативными характеристиками. Представляется, что решение трудной проблемы содержания, если оно существует, может быть связано не с отказом от какого-либо тезиса, а с пересмотром входящих в них понятий, таких как интенциональность, нормативность и свобода.

Литература

- Chalmers 1996 – *Chalmers D.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford and New York: Oxford University Press, 1996. 414 p.
- Dretske 1981 – *Dretske F.* Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 273 p.
- Flanagan 2007 – *Flanagan O.* The Really Hard Problem: Meaning in a Material World. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. 288 p.
- Hutto, Myin 2013 – *Hutto D., Myin E.* Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 206 p.
- MacIntyre 2001 – *MacIntyre A.* Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues. Chicago, IL: Open Court, 2001. 172 p.
- McDowell 1994 – *McDowell J.* Mind and World. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994. 191 p.
- Sellars 1997 – *Sellars W.* Empiricism and the Philosophy of Mind. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 181 p.
- Thornton 2004 – *Thornton T.* John McDowell. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2004. 266 p.
- Wedgwood 2007 – *Wedgwood R.* The Nature of Normativity. Oxford and New York: Oxford University Press, 2007. 296 p.

References

- Chalmers, D. (1996), *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, Oxford University Press, Oxford and New York, USA.
- Dretske, F. (1981), *Knowledge and the Flow of Information*, MIT Press, Cambridge, MA.
- Flanagan, O. (2007), *The Really Hard Problem: Meaning in a Material World*. MIT Press, Cambridge, MA, USA.
- Hutto, D. and Myin, E. (2013), *Radicalizing Enactivism: Basic Minds Without Content*, MIT Press, Cambridge, MA, USA.
- MacIntyre, A. (2001), *Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues*, Open Court, Chicago, IL.
- McDowell, J. (1994), *Mind and World*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Sellars, W. (1997), *Empiricism and the Philosophy of Mind*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Thornton, T. (2004), *John McDowell*, McGill-Queen's University Press, Montreal, Canada.
- Wedgwood, R. (2007), *The Nature of Normativity*, Oxford University Press, Oxford and New York.

Информация об авторе

Дмитрий В. Иванов, доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; ivdmitry@mail.ru

Information about the author

Dmitrii V. Ivanov, Dr. of Sci. (Philosophy), Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, Goncharnaya Street, Moscow, Russia, 109240; ivdmitry@mail.ru